

Уайльд Оскар

Замыслы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-74

О-74 **Оскар У.**
Замыслы / Уайльд Оскар – М.: Книга по Требованию, 2023. – 170 с.

ISBN 978-5-519-78121-3

Содержание: Упадок лжи: Наблюдение: Диалог. Перо, кисть и яд: (Этюд в зеленом).
Критик как художник: Диалог. Истина в масках: (Заметка об иллюзии)

ISBN 978-5-519-78121-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Кириллъ. Вы пишете статью! Это не очень послѣдовательно послѣ того, что вы говорили сейчасъ.

Вивіанъ. Кому охота быть послѣдовательнымъ? Развѣ только тупицамъ и доктринерамъ, скучнымъ людямъ, доводящимъ свои принципы до горькаго конца примѣненія, до приведенія къ абсурду (*reductio ad absurdum*) практики. А мнѣ — нѣтъ охоты. Подобно Эмерсону, я пишу надъ дверью моей библіотеки слово: „Причуда.“ И кромѣ того, моя статья, въ самомъ дѣлѣ, есть очень спасительное и цѣнное предостереженіе. Если на нее обратятъ вниманіе, тогда возможно новое Возрожденіе Искусства.

Кириллъ. Какой ея сюжетъ?

Вивіанъ. Я хочу назвать ея: „Упадокъ Лжи. Протестъ.“

Кириллъ. Ложь! Мнѣ казалось, что наши политическіе дѣятели еще сохраняютъ этотъ обычай.

Вивіанъ. Я увѣряю васъ, что нѣтъ. Они никогда не поднимаются выше искаженія истины, и на самомъ дѣлѣ нисходятъ до споровъ, доказательствъ и убѣжденій. Какая разница съ природой истиннаго лжеца, съ его откровенными, безстрашными утверждениями, его великолѣпной безотвѣтственностью, его здоровымъ, естественнымъ презрѣніемъ къ доказательствамъ всякаго рода! И наконецъ, что такое красивая ложь? Только то, что въ самомъ себѣ заключаетъ свою собственную очевидность. Если человѣкъ слишкомъ лишенъ воображенія, чтобы приводить доказательства въ защиту лжи, тогда уже пусть онъ лучше сразу говоритъ правду. Нѣтъ, политическіе дѣятели не годятся. Кое-что пожалуй, можно сказать въ пользу адвокатуры. Мантия софистовъ упала на ея сочленовъ. Ихъ притворный пылъ и нереальная реторика восхитительны. Худшее дѣло они могутъ выставить въ лучшемъ свѣтѣ, точно они сейчасъ только вышли изъ Леонтинскихъ школъ; и они завѣдомо исторгаютъ у сопротивляющихся присяжныхъ торжественные оправдательные приговоры своимъ кліентамъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, если эти кліенты, какъ это часто случается, очевидно и несомнѣнно невиновны. Но ихъ цѣну сокращаетъ прозаичность, и притомъ они не стыдятся ссылаться на прецеденты. Но не смотря на всѣ ихъ старанія, истина обнаруживается. Даже газеты, и тѣ вырождаются. Имъ можно теперь вѣрить безусловно. Это чувствуется, когда съ трудомъ пробираешься въ бродъ сквозь

ихъ столбцы. Всегда попадаетъ неудобочитаемое. Я боюсь, не очень много найдется сказать въ пользу юристовъ и журналистовъ. И кромѣ того, я стою главнымъ образомъ за Ложь въ Искусствѣ. Хотите, я вамъ прочту то, что я написалъ? Это можетъ принести вамъ огромную пользу.

Кириллъ. Разумѣется, если вы дадите мнѣ сигаретку. Благодарю. Кстати, въ какомъ журналѣ вы хотите помѣстить ее?

Вивіанъ. Въ „Ретроспективномъ Обзорѣніи“. Я вѣдь говорилъ вамъ, что избранные возродили его.

Кириллъ. Кого вы называете „избранными?“

Вивіанъ. О, конечно „усталыхъ гэдонистовъ“. Это клубъ, къ которому я принадлежу. Наше правило посить, когда мы собираемся, увядшія розы въ петлицахъ, и имѣть нѣчто вродѣ культа Домиціана. Я боюсь, вы не были бы выбраны. Вы слишкомъ любите простыя удовольствія.

Кириллъ. Меня забаллотировали бы изъ-за моей жизнерадостности, вѣроятно?

Вивіанъ. По всей вѣроятности. И кромѣ того, вы немного чересчуръ стары. Мы не принимаемъ никого, кто находится въ обычномъ возрастѣ.

Кириллъ. Я думаю, вы всѣ изрядно наскучили другъ другу.

Вивіанъ. Конечно. Это одна изъ цѣлей клуба. А теперь, если вы общаете прерывать меня не слишкомъ часто, я вамъ прочту свою статью.

Кириллъ. Я весь вниманіе.

Вивіанъ (читаетъ очень яснымъ, музыкальнымъ голосомъ). „Упадокъ Лжи; Протестъ“. Одной изъ главныхъ причинъ удивительной банальности большей части литературы нашего вѣка несомнѣнно является упадокъ Лжи, какъ искусства, науки и общественнаго развлечения. Древніе историки давали намъ восхитительные вымыслы въ видѣ фактовъ; современные романисты представляютъ намъ грубые факты, вмѣсто вымысловъ. „Синяя Книга“ быстро становится для нихъ идеаломъ, по методу и маперѣ письма. У нынѣшняго романиста есть свой несносный „человѣческій документъ“ (document humain), свой убогій крошечный „уголокъ мірозданія“ (coin de la création), куда онъ заглядываетъ въ свой микроскопъ. Его можно встрѣтить въ На-

ціональної бібліотекъ, или въ Британскомъ музеѣ, безстыдно изучающаго свой предметъ. У него даже нѣтъ мужества брать мысли другихъ людей, ему непремѣнно надо обращаться за всѣмъ непосредственно къ жизни; и въ концѣ концовъ, между энциклопедіями и личнымъ опытомъ, онъ погибаетъ, набравъ себѣ типовъ изъ своего семейнаго круга или отъ подепной прачки и заручившись массой полезныхъ свѣдѣній, отъ которыхъ никогда потомъ, даже въ самыя созерцательныя минуты, онъ уже не будетъ въ состояніи отдѣлаться.

Ущербъ, причиняемый литературѣ вообще этимъ ложнымъ идеаломъ нашего времени, врядъ-ли можетъ быть оцѣненъ достаточно. Люди усвоили себѣ небрежную манеру говорить „о прирожденномъ лжецѣ“, совершенно также, какъ они говорятъ о „прирожденномъ поэтѣ“. Но въ обоихъ случаяхъ они неправы. Ложь и поэзія суть искусства, — искусства, какъ это провидѣлъ Платонъ, не лишеныя связи другъ съ другомъ; и они требуютъ самаго заботливаго изученія, самой безкорыстной преданности. У нихъ есть свои техническіе приемы, какъ и у болѣе вещественныхъ искусствъ, живописи и архитектуры, свои утонченныя загадки формъ и красокъ, свои профессиональныя тайны, свои строго обдуманые художественные методы. (Какъ поэтъ узнается по музыкѣ его словъ, такъ лжеца можно узнать по его богатому, гармоничному языку; и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ недостаточно одного случайнаго вдохновенія. Какъ и вездѣ, здѣсь упражненіе должно предшествовать совершенству. Но въ наши дни, когда мода писать стихи сдѣлалась чрезчуръ всеобщей, и отъ этого слѣдовало бы, по возможности, отучать, мода лгать впала почти въ немилость. Много молодыхъ людей вступаютъ въ жизнь съ природнымъ даромъ преувеличенія, который, если бы его воспитать въ подходящей и благопріятной ему обстановкѣ, или въ подражаніи лучшимъ образцамъ, выросъ бы въ нѣчто дѣйствительно великое и чудесное. Но, обыкновенно, онъ не приходитъ ни къ чему. Они или приобрѣтаютъ необдуманную привычку къ точности. —

Кириллъ. Мой милый другъ!

Вивіанъ. Пожалуйста не перебивайте посреди фразы. „Они или приобрѣтаютъ необдуманную привычку къ точности,

или начинают посягать общество старых и хорошо осведомленных людей. И то, и другое одинаково пагубно для ихъ воображенія, какъ и для воображенія каждаго; и въ короткое время, у нихъ развивается нездоровое и ненормальное свойство говорить правду, они начинают провѣрять всѣ положенія, высказываемыя въ ихъ присутствіи, они не колеблясь, противорѣчатъ людямъ, которые ихъ много моложе, и часто копчаютъ тѣмъ, что пишутъ романы, до того похожіе на жизнь, что невозможно повѣрить ихъ вѣроятности. Я привожу вовсе не единичный случай. Этотъ примѣръ—лишь одинъ изъ многихъ; и если не будетъ сдѣлано чего-нибудь, что остановить или по крайней мѣрѣ видоизмѣнить наше чудовищное обоготвореніе фактовъ, Искусство станетъ безплоднымъ, и Красота уйдетъ изъ міра.

Даже М-ръ Робертъ Луисъ Стивенсонъ, этотъ очаровательный властитель изящной и фантастической прозы, зараженъ этимъ современнымъ порокомъ,—не нахожу положительно другаго слова. Вѣдь можно лишить рассказъ всякой реальности, стараясь сдѣлать его слишкомъ правдивымъ, и „Черная Стрѣла“ такъ не художественна, что не можетъ похвалиться ни единымъ анахронизмомъ; а превращенія д-ра Джикеля подозрительно смахиваютъ на экспериментъ изъ *Lancet*. Что касается м-ра Райдера Хаггарда, который дѣйствительно имѣетъ, или нѣкогда имѣлъ всѣ задатки великолѣпнаго лжеца, онъ теперь такъ боится, что бы его не заподозрили въ гениальности, что, когда рассказываетъ что-нибудь чудесное, считаетъ своимъ долгомъ выдумать какое-нибудь личное воспоминаніе, и прилагаетъ его въ видѣ подстрочнаго примѣчанія, какъ бы нѣкую трусливую оговорку. И остальные наши романисты не лучше. М-ръ Генри Джэмсъ пишетъ вымыслы, точно это тяжелая обязанность, и растрчиваетъ на низменные мотивы и едва замѣтныя „точки зрѣнія“ свой изящный литературный стиль, свои счастливыя фразы, свою легкую, остроумную сатиру. М-ръ Холль Кэнъ, это правда, стремится къ грандіозному; но онъ пишетъ во все горло. Онъ такъ кричитъ, что нельзя слышать, что онъ говоритъ. М-ръ Джэмсъ Пайнъ, это поклонникъ искусства скрывать то, чего не стоило находить. Онъ охотится за очевиднымъ, съ энтузіазмомъ близорукаго сыщика. По мѣрѣ того какъ переворачиваешь страницы, недо-

умѣніе автора становится почти невыносимымъ. Кони „Фаэтона“ Уилльяма Блэка не мчатся къ солнцу. Они только пугаютъ небосклонъ по вечерамъ, доводя его до неистовыхъ хромофотографическихъ эффектовъ. При видѣ ихъ приближенія, крестьяне ищутъ спасенія въ діалектикѣ. Миссисъ Олифантъ очень мило щебечетъ о викаріяхъ, объ игрѣ въ лаунъ-теннисъ, о прислугѣ, и другихъ скучныхъ вещахъ. М-ръ Маріонъ Крауфордъ принесъ себя въ жертву на алтарь мѣстнаго колорита. Онъ похожъ на даму изъ французской комедіи, которая постоянно говоритъ „о чудномъ небѣ Италіи“ (le beau ciel d'Italie). Кромѣ того, онъ впалъ въ дурную привычку говорить моральныя плоскости. Онъ постоянно твердитъ намъ, что быть добрымъ—значитъ быть добрымъ, а быть злымъ—значитъ быть злымъ. Временами, онъ почти наизда-теленъ.

„Робертъ Эльзмэръ,“ конечно, образцовое произведеніе, но образцовое произведеніе „скучнаго стиля“ (genre ennuyeux), той литературной формы, которая, повидимому, глубоко нравится англичанамъ. Одинъ вдумчивый юноша изъ моихъ друзей однажды сказалъ мнѣ, что эта книга напоминаетъ ему тѣ разговоры, что ведутся за чаемъ съ закуской въ какомъ-нибудь серьезномъ диссидентскомъ семействѣ; и я вполне могу повѣрить этому. Дѣйствительно, только въ Англіи могла появиться подобная книга. Англія,—прибѣжище отсталыхъ идей. Что касается той огромной, и съ каждымъ днемъ все увеличивающейся школы романистовъ, для которыхъ солнце всегда встаетъ въ Истѣ-Эндѣ, единственное, что можно сказать о нихъ, что они берутъ жизнь сырой, а оставляютъ ее грубой.

Во Франціи, хотя тамъ не появлялось ничего столь сознательно скучнаго, какъ „Робертъ Эльзмэръ,“ дѣло обстоитъ не многимъ лучше. Гюи де Мопассанъ, съ своей острой, язвительной прозіей и своимъ рѣзкимъ, живымъ стилемъ, срываетъ съ жизни тѣ немногія жалкія лохмотья, что все еще покрываютъ ее, и показываетъ намъ грязные нарывы и гноящіяся раны. Онъ пишетъ зловѣщія маленькія трагедіи, гдѣ каждый смѣшенъ, и горькія комедіи, гдѣ нельзя смѣяться отъ слезъ. Зола, вѣрный высокому принципу, вложенному имъ въ одинъ изъ его манифестовъ о литературѣ, что „геніальный человѣкъ никогда не бываетъ уменъ“ (l'homme de génie

n'a jamais d'esprit) — рѣшилъ доказать, что, хотя у него и нѣтъ генія, онъ все же можетъ быть глупъ. И какъ хорошо ему удастся это! Онъ не лишенъ силы. И временами, какъ наримѣръ въ „Жерминаль“, что-то почти эпическое есть въ его творествѣ. Но его произведенія совершенно плохи, отъ начала до конца; и плохи не съ моральной, а съ художественной точки зрѣнія. Въ этическомъ отношеніи они именно таковы, какъ они должны быть. Авторъ вполне добросовѣстенъ и описываетъ всѣ вещи точъ въ точъ, какъ они случаются. Чего же больше можетъ еще желать моралистъ? Я совершенно не сочувствую моральному негодованію нашего времени противъ Зола. Это просто негодованіе Тартюфа на то, что его разоблачили. Но съ точки зрѣнія искусства, что можно сказать въ пользу автора „Assomoir“, „Nana“ и „Pot-Bouille“? Ничего. М-ръ Рэскинъ говорилъ однажды, что характеры въ повѣстяхъ Джорджа Эллиота похожи на соръ изъ Пентонвильскаго омнибуса. Характеры героевъ Зола—еще хуже. У нихъ есть свои ужасные пороки и свои еще болѣе ужасныя добродѣтели. Описаніе ихъ жизни безусловно неинтересно. Кому нужно знать, что случается съ ними? Въ литературѣ мы требуемъ изящество, очарованіе, красоту, и силу воображенія. Мы не желаемъ терзаться и возмущаться описаніемъ поступковъ существъ писшаго порядка.

Додѣ лучше Зола. У него есть остроуміе, тонкость штриха и занимательный стиль. Но онъ совершилъ недавно литературное самоубійство. Невозможно теперь интересоваться Делобелемъ съ его „Надо бороться за Искусство“, (il faut lutter pour l'art), или Вальмажуромъ, съ его вѣчнымъ припѣвомъ о соловѣѣ, или поэтомъ въ „Жакъ“, съ его „жестокими словами“, съ тѣхъ поръ какъ мы узнали, изъ „Двадцати лѣтъ моей литературной жизни“ (Vingt ans de ma vie littéraire), что эти характеры были взяты прямо изъ жизни. Для меня они какъ будто потеряли разомъ всю свою жизненность, всѣ тѣ немногія качества, которыми когда-либо обладали. Единственно реальныя люди—тѣ, что не существовали никогда; и если романистъ настолько пизокъ, что беретъ своихъ героевъ изъ жизни, онъ долженъ бы, по крайней мѣрѣ, увѣрять, что они вымышлены, а не хвалиться тѣмъ, что списалъ ихъ. Оправданіе извѣстнаго характера въ романѣ состоитъ не въ томъ, каковы другіе люди; а въ томъ, каковъ самъ авторъ.

Иначе, романъ не будетъ произведеніемъ искусства. Что касается Поля Бурже, властителя „психологическаго романа“, онъ впадаетъ въ ошибку, воображая себѣ, что мужчины и женщины современности могутъ подвергаться анализу въ безмѣрномъ количествѣ главъ. Въ самомъ дѣлѣ, если что интересно въ людяхъ хорошаго общества—а г. Бурже рѣдко выѣзжаетъ за предѣлы Сен-Жерменскаго предмѣстья, развѣ только, чтобы съѣздить въ Лондонъ—такъ это маска, которую носить каждый изъ нихъ, а не дѣйствительность, что лежить за этой маской. Унизительно признаться, но мы всѣ созданы изъ одного матеріала. Въ Фальстафѣ есть немного Гамлета, въ Гамлетѣ—немало Фальстафа. У толстаго рыцаря бываютъ приступы меланхоліи, у молодаго принца есть минуты грубаго юмора. Мы отличаемся другъ отъ друга лишь въ случайностяхъ: въ платьѣ, манерахъ, звукѣ голоса, религіозныхъ воззрѣніяхъ, внѣшнемъ видѣ, странностяхъ привычекъ и тому подобномъ. Чѣмъ больше анализируешь людей, тѣмъ больше исчезаетъ всякій поводъ къ анализу. Рано или поздно приходишь къ этой ужасной, всеобщей вещи, именуемой человѣческой природой. На самомъ дѣлѣ, какъ слишкомъ хорошо знаетъ каждый, кто имѣлъ дѣло съ бѣдняками, братство людей, — не только мечта поэта, но самая унизительная и прискорбная дѣйствительность; и если писатель непремѣнно желаетъ анализировать высшіе классы, то онъ одинаково могъ бы писать и о дѣвочкахъ, продающихъ спички, и о торговцахъ яблоками. Но я не стану дольше задерживать васъ здѣсь, милый другъ. Я готовъ согласиться, что въ современныхъ романахъ есть очень много хорошаго. Я утверждаю лишь, что въ общемъ они неудобочитаемы совершенно.

Кириллъ. Конечно это очень серьезное опредѣленіе; но я долженъ сказать, что, мнѣ кажется, въ нѣкоторыхъ своихъ сужденіяхъ вы нѣсколько несправедливы. Мнѣ нравится „The Deemster“, и „The Daughter of Heth“, и „Le Disciple“, и „M-g Isaacs“; что же касается „Роберта Эльзмера“, я прямо восхищаюсь имъ. Я не могу сказать, чтобы я смотрѣлъ на него, какъ на серьезное произведеніе. Какъ разъясненіе задачъ, встающихъ передъ ревностнымъ христіаниномъ, эта книга смѣшна и устарѣла. Это просто „Литература и Догматъ“ Арнольда, только безъ литературы. Это настолько же

отстало отъ вѣка, какъ „Доказательство“ Палея, или методъ Библейскаго толкованія Коленсо. И очень мало трогательнаго въ томъ, когда несчастный герой торжественно возвѣщаетъ зарю, давно уже взошедшую, и настолько не понимаетъ ея истиннаго значенія, что предлагаетъ продолжать дѣло старой фирмы подъ новымъ названіемъ. Но съ другой стороны, тамъ есть много умныхъ каррикатуръ и цѣлныя груды восхитительныхъ цитатъ, а философія Грина очень пріятно подслащиваетъ нѣсколько горькую пилюлю авторскаго вымысла. Я не могу также не выразить своего изумленія по поводу того, что вы ничего не сказали о двухъ романистахъ, которыхъ вы читаете постоянно, о Бальзакѣ и Жоржѣ Мередитѣ. Вѣдь несомнѣнно, они оба реалисты, неправда-ли?

Вивіанъ. О, Мередитъ! Кто можетъ опредѣлить его? Его стиль, это хаосъ, озаренный вспышками молніи. Какъ писатель, онъ овладѣлъ всѣмъ, кромѣ языка; какъ романистъ, онъ можетъ дать все, кромѣ повѣствованія; какъ художникъ, онъ имѣетъ все, кромѣ внятности. Кто-то у Шекспира — Оселокъ, кажется, — говоритъ о человѣкѣ, который постоянно ломаетъ себѣ голени объ свое собственное остроуміе; и мнѣ кажется, это могло бы служить основаніемъ для критики метода Мередита. Но что бы онъ ни былъ, онъ только не реалистъ. Или, пожалуй, я скажу, что онъ сынъ реализма, но сынъ, который даже не разговариваетъ съ отцомъ. По обдуманному выбору, онъ сдѣлался романтикомъ. Онъ отказался склонить колѣна свои передъ Вааломъ; и наконецъ, если бы даже его утонченный умъ не возмутился противъ шумныхъ утвержденій реализма, одного стиля его было бы совершенно достаточно, чтобы держать жизнь на почтительномъ разстояніи. Благодаря стилю, онъ возвелъ вокругъ своего сада ограду со множествомъ шиповъ, всю алую отъ чудесныхъ розъ. Что касается Бальзака, это было самое замѣчательное соединеніе художественнаго темперамента съ научнымъ умомъ. Послѣдній онъ завѣщалъ своимъ ученикамъ: первый былъ всецѣло его собственностью. Различіе между такой книгой какъ „Assommoir“ Зола, и „Illusions perdues“ Бальзака, это разница между лишеннымъ фантазіи реализмомъ и фантастической реальностью. „Всѣ характеры у Бальзака,“ говоритъ Бодлэръ, „одарены тѣмъ же пыломъ жизни, что горѣлъ въ немъ самомъ. Всѣ

вымыслы у него окрашены насквозь, какъ сны. Каждый умъ—оружіе, заряженное волей по самое дуло. Каждый поваренокъ у него гениаленъ.“ Внимательное изученіе Бальзака низводитъ нашихъ живыхъ друзей до тѣней, а нашихъ знакомыхъ до тѣней тѣней. Его дѣйствующія лица имѣютъ свою пламенную жизнь, цвѣта огня. Они властвуютъ надъ нами и не опасаются скептицизма. Смерть Люсьена де Рюампрэ была одной изъ величайшихъ трагедій моей жизни. Отъ этого горя я никогда не могъ оправиться вполне. Оно преслѣдуетъ меня въ минуты радости. Я помню о немъ, когда я смѣюсь. Но Бальзакъ—не болѣе реалистъ, чѣмъ Гольбейнъ. Онъ создавалъ жизнь, но онъ не списывалъ ея. И тѣмъ не менѣе, я признаю, онъ слишкомъ высоко цѣнилъ современность формы, и потому ни одна его книга, какъ художественное произведеніе, не можетъ быть поставлена на ряду съ „Salambo“ или „Esmond“, или съ „The Cloister and the Hearth,“ или съ „Vicomte de Bragelonne.“

Кирилъ. Такъ, значитъ, вы возражаете также и противъ современности формы?

Вивіанъ. Да. Это огромная цѣна въ сравненіи съ жалкимъ результатомъ. Чистая современность формы всегда — нѣчто вульгарное. И это не можетъ быть иначе. Публика воображаетъ, что если ее самое интересуетъ непосредственно окружающая ее обстановка, то и Искусство должно интересоваться ею, и брать ее своимъ сюжетомъ.

Но уже тотъ фактъ, что люди заинтересованы въ этихъ вещахъ, дѣлаетъ эти вещи неподходящими сюжетами для Искусства. Единственно прекрасны лишь тѣ вещи, — сказалъ кто-то когда-то — что не касаются насъ. До тѣхъ поръ пока вещь намъ полезна или необходима, или затрагиваетъ насъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ, горемъ или радостью, или властно зоветъ наше сочувствіе, или является жизненной частью обстановки, въ которой мы живемъ,—она находится внѣ истинной сферы Искусства. Къ задачамъ Искусства мы должны относиться болѣе или менѣе равнодушно. Во всякомъ случаѣ, мы не должны имѣть ни предпочтеній, ни предубѣжденій, ни партійныхъ чувствъ всякаго рода. Именно потому, что Гекуба для насъ ничто, ея горести являются такимъ дивнымъ мотивомъ трагедіи. Во всей исторіи литературы я не знаю ничего

печальнѣе артистической карьеры Чарльза Рида. Онъ написалъ одну прекрасную книгу, „The Cloister and the Hearth“, книгу, которая настолько же выше „Romola“, насколько „Romola“ выше „Daniel Deronda“, и всю остальную жизнь свою истратилъ на глупыя попытки стать современнымъ, обратить общественное вниманіе на положеніе каторжныхъ тюремъ и на управленіе нашихъ частныхъ больницъ для умалишенныхъ. Чарльзъ Диккенсъ, говоря откровенно, былъ достаточно утомителенъ, когда пытался возбудить нашу симпатію къ жертвамъ дѣйствиі администраціи по примѣненію закона о бѣдныхъ; но Чарльзъ Ридъ, артистъ, ученый, человѣкъ съ истиннымъ чувствомъ красоты, бѣснующійся и громящій злоупотребленія современной жизни, какъ заурядный памфлетистъ или сенсационный журналистъ—это, дѣйствительно, зрѣлище, отъ котораго могутъ заплакать ангелы. Повѣрьте мнѣ, милый Кириллъ, современность формы и современность сюжета—совершенно и безусловно ложны. Мы ошибкой приняли обыденную ливрею вѣка за одѣяніе Музъ; и мы проводимъ свои дни въ грязныхъ улицахъ и отвратительныхъ предмѣстьяхъ нашихъ презрѣнныхъ городовъ, тогда какъ мы должны быть тамъ, на холмахъ, съ Аполлономъ. Несомнѣнно, мы—падшая раса, и мы продали свое первородство за похлебку изъ фактовъ.

Кириллъ. Въ томъ, что вы говорите, есть доля истины; и несомнѣнно, съ какимъ бы интересомъ мы ни читали современный романъ, мы рѣдко испытываемъ художественное наслажденіе, его перечитывая. А это, быть можетъ, есть лучшее, хотя и грубое мѣрило того, что литературно и что нѣтъ. Если нѣтъ удовольствія перечитывать много разъ книгу, ее не стоитъ читать совсѣмъ. Но что вы скажете насчетъ возврата къ Жизни и къ Природѣ? Это цѣлѣбное средство всегда намъ проповѣдуютъ.

Вивіанъ. Я прочту вамъ то, что я говорю объ этомъ. Это мѣсто находится дальше, въ моей статьѣ, но все равно, я вамъ прочту его сейчасъ:—„Общій кличъ нашего времени, это: вернемся къ Жизни и Природѣ; онѣ возсоздадутъ для насъ Искусство и заставятъ красную кровь бѣжать въ его жилахъ; онѣ подкуютъ ноги его быстротой и сдѣлаютъ сильной его руку. Но, увы! мы ошибаемся въ нашихъ любезныхъ и благонравныхъ усиліяхъ. Природа всегда отстаетъ отъ вѣка. Что же касается Жизни, она—растворъ, разрушающій Искусство, врагъ, опустошающій его домъ“.